

СООТНОШЕНИЕ ЮРИСДИКЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Ключевые слова: *решения Европейского Суда по правам человека («Европейский Суд»), гражданский процесс, источник гражданского процессуального права, процессуальная норма-принцип, Конвенция по защите прав человека и основных свобод («Конвенция»), структура процессуальной нормы права, право на справедливое судебное разбирательство, Конституционный Суд Российской Федерации (Конституционный Суд), военнослужащие женщины, военнослужащие мужчины, различия по половому признаку.*

E.V. Iodkovski. Parity of Jurisdictions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court on Human Rights and Their Influence on Civil Legal Proceedings

The article examines the problem caused by various estimations from the Constitutional Court and the European Court of a situation, connected with refusal of the military authorities to grant to military man K. Markin leave on care of the child for three years is considered. The Russian legislation gives such possibility only to military man of the women. The comparative analysis of definitions of the Constitutional Court and decisions of the European Court is made and the primacy of application in civil process of decisions of the European Court over definitions of the Constitutional Court is proved. Observed private scientific opinions on a problem with established legal power to the Constitutional Court's definitions and possibility of overcoming the Constitutional Court's decisions. The author of article cites the data of sociological poll of judges of system of courts of law which show reference by the majority of number of respondents the decisions of the European Court to sources of a civil procedural right. On the basis of the analysis of the legislation of Russia, the international contracts, the doctrine, and also practice of the European Court by the author the conclusion is drawn on necessity of observance for the constitutional legal proceedings the right of everyone on fair proceeding. It is critical activity of the Constitutional Court concerning independent giving by the Constitutional Court legislation to definitions of the Constitutional Court is estimated. The approach of consideration of the constitutional and conventional human rights not on force of sources of the right, but from positions

* Аспирант Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина.
[uralzz@inbox.ru]

of requirements of a principle of leadership of the right and expansion of human rights is offered. It is critical last legislative initiatives of Russia on restriction of jurisdiction of the European Court are estimated. A substantiated conclusion about compulsion of application of norms of the Convention on protection of human rights and the basic freedom in the value established by the European Court. Conditions at which there can be a necessity of overcoming of decisions of the European Court are designated. It is offered to fix legislatively possibility of denouncement of the Convention on protection of human rights and the basic freedom in special procedure by a national referendum. This is important for the judges, advocates and for the researchers.

О возможности возникновения противоречий между Конституционным Судом Российской Федерации (далее — КС РФ) и Европейским судом по правам человека (далее — ЕСПЧ; Суд), еще в 2006 г. высказался А.В. Ильиных: «...Утверждать, что имеется взаимный правовой диалог между данными судебными органами также не следует, потому что каждый из них преследует свои цели, и пока они будут совпадать, или, хотя бы, не противоречить друг другу имеющийся симбиоз сохранится и, даже, будет развиваться...»¹.

Летом 2010 г. выяснилось, что КС РФ и Суд по разному оценили отказ российских судов признать незаконным непредставление военными властями (по признаку пола) трехлетнего отпуска по уходу за ребенком военнослужащему мужчине.

Так, определением Конституционного Суда РФ от 15 января 2009 г. № 187-О-О было отказано военнослужащему К.А. Маркину в принятии к рассмотрению жалобы на нарушение его конституционных прав нормами действующего законодательства². В п. 2.2 определения КС РФ сделал вывод о том, что предоставление права на отпуск по уходу за ребенком в порядке исключения только военнослужащим женского пола, не может расцениваться как нарушение закрепленных ст. 19 (ч. 2 и 3) Конституции Российской Федерации принципов равенства прав и свобод человека и гражданина...³.

Спустя год и восемь месяцев 7 октября 2010 г. по жалобе К.А. Маркина ЕСПЧ вынес Постановление по делу «Константин Маркин (Konstantin Markin) против России». При тех же самых фактических обстоятельствах

¹ Ильиных А.В. Международный договор и источники конституционного права Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 190.

² Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2009 г. № 187-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями ст. 13 и 15 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», ст. 10 и 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», ст. 32 Положения о порядке прохождения военной службы и п. 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей // Документ опубликован не был.

³ См.: Там же.

ЕСПЧ было установлено нарушение требований ст. 14 Конвенции по защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция; ЕКПЧ) в силу установления законодательством России дискриминационных норм касательно мужского персонала вооруженных сил по сравнению с женским в отношении права на отпуск по уходу за ребенком¹.

В связи с этим в гражданском судопроизводстве возникает проблема, вызванная конкуренцией определений КС РФ и решений в окончательной форме — постановлений ЕСПЧ. С одной стороны п. 13 ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих» в установленном определении КС РФ конституционном смысле соответствует Конституции РФ, с другой стороны, указанная норма в установленном Постановлением ЕСПЧ толковании ст. 14 ЕКПЧ не соответствует ЕКПЧ. Должны ли военные суды, пересматривая по вновь открывшемуся обстоятельству ранее принятое решение по заявлению К.Маркина принять новое решение об удовлетворении его заявления и признать незаконным отказ военных властей предоставить ему трехлетний отпуск по уходу за ребенком?

Из п. 4 постановления КС РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П: «...Только Конституционный Суд Российской Федерации выносит официальные решения, имеющие общеобязательное значение. Поэтому его постановления являются окончательными, не могут быть пересмотрены другими органами или преодолены путем повторного принятия отвергнутого неконституционного акта, а также обязывают всех правоприменителей, включая другие суды, действовать в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации»². Усматривается неопределенность в отношении юридической силы определений КС РФ. Фактически КС РФ устанавливает обязательность учета его правовых позиций, выраженных и в постановлениях, и в определениях. Но соответствует ли это установлениям ч. 4 ст. 125 Конституции РФ, устанавливающей обязанность КС РФ проверить конституционность закона, примененного в деле по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан? Думается, что не соответствует.

Так, В.А. Витушкин отметил, что «Вопрос о юридической силе определений Конституционного Суда в науке практически не разработан»³. В силу индивидуального адресного характера определения КС РФ распростра-

¹ Информация о Постановлении Европейского Суда по правам человека от 7 октября 2010 г. по делу «Константин Маркин (Konstantin Markin) против России» (жалоба № 30078/06) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 4.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П по делу о толковании отдельных положений ст. 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации // Росс. газ. 1998. 30 июня.

³ См.: Витушкин В.А. Определения Конституционного Суда Российской Федерации: особенности юридической природы. М., 2005.

няются только на лиц, участвующих в деле, и не могут иметь юридического значения для неопределенного круга лиц. В законодательстве РФ отсутствуют основания для придания нормативности определениям КС РФ, и, соответственно, широкое усмотрение КС РФ по приданию нормативности всем его решениям¹ без соблюдения установленной конституционным законодательством процедуры проверки нормативно-правового акта, по нашему мнению, не соответствует принципу верховенства права и требованиям справедливости судебной процедуры. По делу К. Маркина окончательного решения КС РФ в виде постановления не было принято, и, соответственно, вопрос о соответствии Конституции РФ п. 13 ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих» не был разрешен.

Конституционное судопроизводство касательно проверки конституционности закона это, прежде всего, публичные правоотношения, поскольку затрагивают права и обязанности неопределенного круга лиц. Представляется, что, исходя из принципа верховенства права, КС РФ не может в своих определениях, имеющих, прежде всего, индивидуально-правовой характер, продуцировать нормативные установления. Противоречит это и принципу разделения властей, поскольку государственный орган начинает самостоятельно устанавливать свою компетенцию, в данном случае КС РФ творит право в отношении собственной юрисдикции. Общие правила гражданского судопроизводства, устанавливающие обязанность государства в публичных правоотношениях доказывать законность своих действий, законность нормативно-правовых актов, должны распространяться и на конституционное судопроизводство. В конституционном судопроизводстве должна презюмироваться неконституционность обжалуемого закона, и, соответственно, государство обязано доказывать конституционность закона в установленной законом процедуре.

Частная проблема с противоречиями между решениями КС РФ и ЕСПЧ по делу К. Маркина может быть разрешена, например, путем преодоления определения КС РФ по этому делу своим последующим решением, ведь ст. 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» не устанавливает подобного запрета. В доктрине о необходимости установления законодательной возможности преодоления решений КС РФ высказала свое мнение Л.А. Грось: «Представляется необходимым внести в Закон «О Конституционном Суде Российской

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 7 октября 1997 г. № 88-О о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 ноября 1996 г. по делу о проверке конституционности ст. 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 5.

Федерации» норму, обязывающую Конституционный Суд РФ пересмотреть на пленарном заседании собственное постановление по требованию не менее трех членов Конституционного Суда, не согласных с его решением, либо ввести иную процедуру проверки конституционности постановлений самого Конституционного Суда РФ»¹. Аналогичного мнения придерживаются Н. Громов и Е. Колесников².

Однако вместо конструктивных предложений теоретического и практического характера разрешения имеющейся проблемы от российских властей поступают предложения, противоречащие принципу верховенства права.

Так, на состоявшемся 18—20 ноября 2010 г. XIII Международном форуме по конституционному правосудию В.Д. Зорькин в своем докладе выразил следующее мнение: «...Конституционный Суд Российской Федерации, принимая свое решение о конституционности закона в случаях, аналогичных германскому прецеденту, — при том, что между положениями Конституции о правах человека и Конвенцией нет противоречий, а противоречие возникло между толкованием Конституции (данным КС) и толкованием Конвенции (предпринятым ЕСПЧ), — может не ориентироваться на интерпретацию Конвенции Европейским Судом, а принять решение в духе национальной Конституции, тем самым имплицитно подтверждая свою трактовку положений Европейской Конвенции (как составной части российской правовой системы), в духе национальной Конституции»³.

Фактически В.Д. Зорькин предложил при определенных обстоятельствах не исполнять решения ЕСПЧ. При этом сами обстоятельства, которые влекут необязательность исполнений решений Суда, будет устанавливать КС РФ. Представляется, что приведенное мнение Председателя КС РФ не согласуется с положениями ст. 46 Конвенции и ст. 1 Ратификационного закона, согласно которым Российская Федерация, по сути, ограничила часть своего суверенитета в вопросах контроля соблюдения гарантированных ЕКПЧ прав человека и предоставила ЕСПЧ право устанавливать не только факты нарушения ЕКПЧ в гражданском судопроизводстве, но и давать указания по устранению системных причин подобных нарушений. Так, 16 июня 2011 г. по инициативе исполняющего обязанности председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации

¹ Грось Л.А. Акты Конституционного Суда РФ и право на судебную защиту // Российская юстиция. 1998. № 11—12.

² См.: Громов Н., Колесников Е. Принципы судопроизводства должны распространяться и на Конституционный Суд // Российская юстиция. 2000. № 2.

³ См.: Зорькин В.Д. Доклад на XIII Международном Форуме по конституционному правосудию «Диалог Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека в контексте конституционного правопорядка». Санкт-Петербург. 18—20 ноября 2010 г.

Александра Торшина был внесен в Государственную Думу проект Федерального конституционного закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹. По сути этот законопроект направлен на создание препятствий для обращения граждан за защитой своих конвенционных прав в ЕСПЧ. Предложение самостоятельного определения Россией момента исчерпания внутренних средств защиты является разрешением вопросов относящихся к исключительной компетенции ЕСПЧ. Принятие указанного законопроекта будет означать исполнение окончательных решений ЕСПЧ под условием их одобрения КС РФ, что противоречит взятым на себя Россией обязательствам согласно ч. 1 ст. 46 ЕКПЧ. В случае принятия законопроекта следует констатировать нарушение Россией требований ст. 17 ЕКПЧ, устанавливающей, что государство не имеет права заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на упразднение прав и свобод, признанных в Конвенции, или на их ограничение в большей мере, чем это предусматривается в Конвенции.

Поднятая проблема нормативности определений КС РФ касается гражданского судопроизводства, поскольку создает правоприменительную проблему. Проведенный анализ свидетельствует о том, что действующее законодательство не придает нормативности определениям КС РФ, и в то же время, согласно ст. 46 ЕКПЧ, окончательные постановления ЕСПЧ обязательны для всех ветвей власти России, с учетом ст. 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» (далее — Ратификационный закон), установившей юрисдикцию ЕСПЧ обязательной для России. По вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации», следует сделать вывод о том, что содержащиеся в окончательных решениях (постановлениях) ЕСПЧ его правовые позиции, которые, по нашему мнению, являются нормами-принципами, будут иметь для гражданского судопроизводства юридическое значение и являться источником гражданского процессуального права.

Значительная часть судей судов общей юрисдикции придерживаются такого же мнения. Это подтвердили результаты социологического исследования, проведенного 19 сентября 2011 г. сотрудниками Российской академии правосудия по разработанной автором статьи анкете. Анонимный

¹ Проект федерального закона от 16 июня 2011 г. № Б/Н «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

письменный опрос судей судов общей юрисдикции из 41 субъекта Российской Федерации (при выборочной совокупности 57, с репрезентативностью 0,237 % от генеральной совокупности 24 032 ¹) показал: 66,66% опрошенных считают, что решения ЕСПЧ имеют юридическое значение для гражданского судопроизводства; 45,61% опрошенных на вопрос «Считаете ли Вы, что решения ЕСПЧ являются источником гражданского процессуального права?», ответили утвердительно, 33,33% — отрицательно, 17,54% — затруднились ответить, 3,5% считают, что решения ЕСПЧ не имеют отношения к гражданскому процессуальному праву.

По рассмотренному частному случаю по делу К.Маркина следует сделать вывод, что при последующем рассмотрении дела по заявлению К. Маркина, в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, ст. 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», ст. 46 ЕКПЧ, суд обязан руководствоваться ст. 14 ЕКПЧ в ее установленном постановлением ЕСПЧ содержании. Поскольку ст. 14 ЕКПЧ установлены иные правила, чем предусмотренные п. 13 ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», суд рассматривающий дело К.Маркина обязан удовлетворить его заявление. Соответственно выявленная частная проблема ставит системный вопрос: «Чьи окончательные судебные решения — Конституционного Суда РФ или ЕСПЧ имеют для суда, отправляющего правосудие по гражданскому делу, большую юридическую силу?».

В учебнике конституционного права 2003 г. под редакцией Е.И. Козловой и О.Е. Кутафина установлено: «Признание и гарантия прав человека должны осуществляться не только согласно нормам международного права, но и в соответствии с положениями Конституции РФ. В свою очередь, Конституция, фиксируя основы действия международного права в рамках правовой системы России, ясно и определенно признает высшую юридическую силу исключительно за конституционными нормами»². Приведенное положение свидетельствует о том, что общепризнанные принципы международного права не могут иметь преимущество перед конституционными установлениями.

Тем не менее, спустя пять лет, в 2008 г. О.Е. Кутафин отчасти посеял сомнения о примате Конституции над общепризнанными нормами и принципами международного права. Так, анализируя взгляды Гессена В.М., А.С. Алексеева и др. касательно предпосылок и критериев, которым должно

¹ Статья 8 Федерального закона от 13 декабря 2010 г. № 357-ФЗ «О федеральном бюджете на 2011 год и на плановый период 2012 и 2013 годов» // Парламентская газета. 2001. 17—23 дек.

² Конституционное право России: учебник / под ред. Е.И. Козловой, О.Е. Кутафина. М., 2003. С. 158.

соответствовать правовое государство, О.Е. Кутафин отметил: «Однако не всякое конституционное государство признается правовым»¹.

Права человека, составляющие статус личности, давно уже перестали быть исключительно внутригосударственным делом. Возможно ли себе представить, что Основной закон государства противоречит Всеобщей Декларации прав человека или Конвенции? Но если это так, тогда государство, имеющее такой Основной закон нельзя назвать правовым и демократическим, несмотря на то, что государство является конституционным и суверенным. Безграничен ли суверенитет государства? В правовом государстве — нет. Он ограничен правами и свободами человека, в противном случае, это не правовое государство.

Рассматривать Конвенцию без учета решений Суда равносильно декларации материального права без процессуальных норм его реализации в судопроизводстве. Как будто право есть, но им невозможно воспользоваться, его нельзя ни защитить в суде, ни заставить обязанных лиц его соблюдать. Так и Конвенция без решений ЕСПЧ имеет только декларативную ценность.

В Конституции РФ вопрос о соотношении юридической силы Конституции РФ и общепризнанных международных принципов и норм однозначно не урегулирован. Так, ч. 2 ст. 4 Конституции РФ устанавливает верховенство Конституции РФ и федеральных законов на всей территории Российской Федерации, в то же время ч. 1 ст. 17 Конституции РФ гарантирует признание в Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Соответственно и в доктрине имеются противоположенные точки зрения. Так Б.Л. Зимненко считает: «Конституция РФ в рамках правовой системы России обладает высшей юридической силой по отношению ко всем внутригосударственным нормативным актам, а также положениям, предусматриваемым источниками международного права, ставшими частью правовой системы государства»². Я.А. Бороздина высказывает другое мнение: «Конституционное закрепление в России примата международного права над национальным предполагает более активное и последовательное согласование национального права с международным и европейским»³. А.Е. Ершова отмечает: «... Действующая Конституция РФ прямо

¹ Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М., 2008. С. 544.

² См.: Ершова Е.А. Трудовые правоотношения государственных гражданских и муниципальных служащих в России. М., 2008; Зимненко Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 11.

³ См.: Ершова Е.А. Указ. соч.; Бороздина Я.А. Членство России в Совете Европы и международная защита прав человека и основных свобод: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. С. 7.

не гарантирует примата международного права над российским правом, к сожалению, содержит нормы, отражающие как элементы дуалистической, так и монистической концепции»¹.

В силу предмета регулирования — фундаментальные права и свободы человека — Конвенция имеет наднациональный уровень, а соответствующие разделы национальных конституций не могут противоречить ей. Соответственно практика применения ЕКПЧ, выработанная ЕСПЧ, в соответствии с Венской Конвенцией, является обязательной для стран участниц ЕКПЧ. В пользу такого вывода можно отнести разъяснения Верховного Суда РФ в постановлении от 10 октября 2003 г. № 5: «Под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо. К общепризнанным принципам международного права, в частности, относятся принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств...»².

Представляется, что ЕСПЧ своими постановлениями устанавливает скорее не принципы, но нормы-принципы, которые становятся международными общепризнанными обязательными правилами в частности в гражданском судопроизводстве. Так, право на судебную защиту относится к фундаментальным личным правам человека и закреплено в ст. 10 Всеобщей декларации прав человека, в ст. 6 ЕКПЧ. Конституция РФ в ст. 46 устанавливает право каждого на судебную защиту его прав и свобод. Однако обязанность государства обеспечивать справедливость судебного разбирательства, установленная в вышеприведенных международных правовых актах, в Конституции РФ отсутствует. В доктрине высказываются мнения о наличии оснований отмены в гражданском судопроизводстве решений суда не отвечающим принципу справедливости. Например, М.Ш. Пацация в своей работе среди общих целей процессуальной деятельности проверочных инстанций арбитражного суда указал на «...проверку в определенных в процессуальном праве пределах справедливости деятельности нижестоящего арбитражного суда, отраженной в обжалованных (оспоренных) в установленном порядке не вступивших в законную силу судебных актах (и их пересмотр и (или) отмену, если они не отвечают требованию справедливости)»³.

В данном случае, что будет иметь большую юридическую силу, конституционная норма о судебной защите или конвенционная норма о справед-

¹ *Ершова Е.А.* Указ. соч.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Росс. газ. 2003. 2 дек.

³ *Пацация М.Ш.* Эффективность процессуальной деятельности проверочных инстанций арбитражного суда: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 13—14.

ливой судебной защите? Представляется, что такая постановка вопроса ведет в тупик при любых логических рассуждениях. Мы предлагаем рассматривать данную проблему в ином ракурсе, а именно, через ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и положения принципа верховенства права. Конвенционное право на справедливое судебное разбирательство расширяет конституционное право на судебную защиту, наполняет его дополнительными обязанностями государства, детализирует условия его реализации. Соответственно, ст. 14 Конвенции, устанавливающая запрещение дискриминации, не противоречит, а расширяет ст. 19 Конституции РФ.

Думается, что предложенную точку зрения косвенно подтверждает вывод А.В. Ильиных: «Конституционный Суд РФ ссылается на предписания международных регуляторов для аргументации собственной позиции; устанавливает с помощью норм международного права содержание нормативных положений Конституции РФ и иных актов, то есть использует международные договоры как средство выявления конституционного смысла данных положений»¹.

Соответственно, такой подход требует пересмотра, а точнее приведение российского законодательства в соответствие с требованиями ЕКПЧ. Также требуется и пересмотр положений закона о невозможности преодоления решений КС РФ.

Тем не менее, нельзя исключать вероятность возникновения проблемы преодоления решений ЕСПЧ. Представляется, что такая проблема может возникнуть только в том случае, когда Суд начнет толковать конвенционные нормы в ущерб фундаментальным правам человека. По мнению И. Пузанова: «Единственным условием, которое оправдывало бы, в том числе с точки зрения норм нашей Конституции, денонсацию Римской конвенции, было бы, если бы практика Европейского суда умаляла, а не расширяла границы прав и свобод человека по сравнению с Конституцией РФ, российским законодательством и правоприменительной практикой»². В таком случае может возникнуть необходимость денонсации ЕКПЧ. В силу исключительной важности Конвенции процедура ее денонсации должна быть предусмотрена в российском законодательстве в исключительном порядке, по нашему мнению, путем проведения общенародного референдума.

Таким образом, на сегодняшний момент законодательство РФ не устанавливает возможности невыполнения решений ЕСПЧ в окончательной форме за исключением денонсации ЕКПЧ в порядке, предусмотренном ст. 58 Конвенции, и, соответственно, проблема соотношения в гражданском судопроизводстве юрисдикций КС РФ и ЕСПЧ должна быть разрешена в пользу последнего.

¹ Ильиных А.В. Указ. дис. С. 11.

² Пузанов И. Между Конвенцией и национальным законодательством // ЭЖ-Юрист. 2011. № 6. С. 1—3.